

РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ФРАНКФУРТСКОГО МИРА (1871—1872 гг.)

А. Манфред

Франкфуртский мир 10 мая 1871 г., как и предвидел Маркс, оказался лишь «простым перемирием» между Францией и Германией¹. Уже аннексия Эльзас-Лотарингии Германией сама по себе была фактором войны²; чреватым неисчислимыми последствиями. Это обстоятельство и ряд других противоречий, порождённых Франкфуртским договором, создали крайнюю напряжённость в отношениях между Францией и Германией.

Юнкерско-буржуазная Германия Бисмарка и Мольтке и после заключения мира продолжала занимать по отношению к Франции угрожающие позиции. По мере того, как германские правящие круги всё более убеждались в том, что Франция полностью не сокрушена, что её экономика и армия начинают возрождаться, агрессивность Германии по отношению к Франции возрастала.

Разгром Парижской Коммуны был не только тяжчайшим ударом по французскому рабочему классу и самому передовому пролетарскому движению того времени — он был ударом и по национальным силам страны. В лице парижских коммунаров были сломлены и уничтожены самые твёрдые и мужественные защитники Франции, её независимости и свободы. Маркс писал, что Бисмарк «с удовольствием взирает на трупы парижского пролетариата. Для него это не только искоренение революции, но и уничтожение Франции, ныне действительно обезглавленной, и притом самим французским правительством»³.

Контрреволюционное монархистское Национальное собрание и его правительство во главе с «кровожадным карликом Тьером»⁴ ненавидели не только рабочие, но и большинство французского народа. Ряд частичных выборов начиная с 1871 г. показал, что это Собрание ни в какой мере не выражает воли страны⁵. Но господствующий в Собрании монархистский буржуазно-помещичий блок, не будучи в силах установить монархию и не желая примириться с республикой — хотя она существовала лишь формально, — намеренно сохранял временный режим.

Неустойчивость, непрочность государственного строя Франции, переходный характер «республики без республиканцев» являлись одним из дополнительных источников слабости Франции и, несомненно, сказывались и на её внешней политике, в частности на её взаимоотношениях с Германией. Ещё более важным источником слабости правительства Тьера, имевшим большое влияние на его внешнюю политику, была пропасть.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 68.

² См. И. Сталин. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». «Большевик» № 9 за 1941 г., стр. 5.

³ Архив Маркса и Энгельса. Т. III (VIII), стр. 79.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 114. 4-е изд.

⁵ На дополнительных выборах 2 июля 1871 г. из 112 мест республиканцы получили 100, монархисты — 12; на частичных выборах 7 января 1872 г. республиканцы провели 11 депутатов, монархисты — 6. На всех последующих частичных выборах республиканцы неизменно одерживали победу. (См. A. Soulier. L'instabilité ministérielle sous la troisième République (1871—1938), p. 33. Paris. 1939.)

стделявшая реакционный правящий блок от передовых сил народа, которые одни только и могли бы встать на защиту Франции в случае новой германской агрессии.

Тем самым версальское правительство в противоборстве с Германией, которое должно было продолжаться, хотя и в иных условиях и формах, и после окончания войны, оказывалось безоружным и слабым. Независимо от этого экономическая и военная слабость Франции, доказанная опытом войны 1870—1871 гг., неспособность буржуазной Франции противостоять один на один агрессивным поползновениям Германии ставили перед ней безотлагательную и повелительную задачу — преодолеть международную изоляцию, приобрести союзников или хотя бы опору и поддержку в Европе.

Само собою понятно, что правящая французская реакционная буржуазия при практическом решении тех или иных вопросов, связанных с проблемой союзов, как и при решении других вопросов внешней политики, отнюдь не руководствовалась задачами оборонительной политики, а, как только это становилось возможным, стремилась к осуществлению соответствующей её классовой природе захватнической, империалистической политики. Собственно, вся история внешней политики Франции между тремя войнами служит этому подтверждением. Даже в год разгрома Франции (1871), когда её военная мощь была сломлена, французская буржуазия вела агрессивную, реакционную политику не только против народа своей страны, но и против угнетаемых ею колониальных народов: в 1871—1872 гг. с большой жестокостью подавлялось национально-освободительное восстание в Алжире.

Но в ту пору, о которой идёт здесь речь, после окончания войны, военное и экономическое превосходство Германии над Францией, фактически лишившейся армии, было столь бесспорным и очевидным, что Франция в своей внешней политике по отношению к Германии была вынуждена придерживаться оборонительной тактики.

Уже на другой день после Франкфуртского мира не только правящей версальской кликой, но и всеми группировками господствующих классов страны была понята необходимость усиленных поисков союзников в Европе, дабы усилить позиции Франции перед лицом могущественной и грозной Германии. Собственно говоря, эта необходимость была понята даже ещё ранее, во время войны, тем политическим руководством, которое пришло на смену свергнутому режиму Второй империи. Первое правительство Третьей республики надеялось достигнуть того, чего не сумел добиться бонапартистский режим.

4 сентября во Франции была провозглашена республика, а через неделю, 12 сентября, Тьер уже покинул пределы страны, отправившись в большое дипломатическое турне по Европе. Правительство поручило ему найти в европейских столицах союзников, помощь, поддержку — всё, что угодно, лишь бы вывести Францию из изоляции и тем самым дать ей новые шансы в войне против немцев⁶.

Выбор Тьера для этой роли был, конечно, не случаен. Контрреволюционная буржуазия, главенствующая в так называемом правительстве национальной обороны, оказавшемся на деле правительством национальной измены, стремилась выбрать человека, который, представляя республику, импонировал бы тем правительствам монархий, в помощи которых нуждалась Франция. Тьер, подвизавшийся при трёх монархах, ещё при Луи-Филиппе душивший революционные движения, широко известный своими реакционными взглядами и их последовательным применением

⁶ См. A. Thiers. Notes et souvenirs 1870—1873. Voyage diplomatique, pp. 3—57. Paris. 1903; J. Valfreycy. Histoire de la diplomatie du gouvernement de la défense nationale. T. I, p. 63—86. Paris. 1871.

на практике, Тьер, являвшийся живым опровержением республики, провозглашённой 4 сентября 1870 г., был наиболее подходящим кандидатом для этой роли.

Но дипломатическая миссия Тьера, несмотря на оказанный ему европейскими дворами любезный приём, не дала никаких практических результатов: Франция оставалась в одиночестве до конца войны. И после Франкфурта задача привлечения союзников или преодоления в той или иной форме международной изоляции оставалась для Франции необходимой. Безотлагательность решения этой проблемы вызывалась не только и не столько стремлением к возвращению потерянных провинций, к войне-реваншу (когда германские войска ещё оставались во Франции и даже позже, в 70-х годах, об этом нечего было и мечтать)⁷, сколько прямой опасностью новой агрессии со стороны Германии. Эта опасность обнаружилась уже на другой день после Франкфуртского мира.

В том, что Франция в её положении, на другой день после катастрофы, не могла рассчитывать ни на заключение формального союза с какой-либо сильной державой, ни даже на установление отношений, близких к союзническим, французские политические руководители отдавали себе отчёт. Неудача дипломатической миссии Тьера была тому убедительным подтверждением. Тьер, конечно, не мог забыть того отрезвляющего ответа, который дал ему Горчаков (вообще очень ласково с ним разговаривавший), когда представитель Франции напрямик предложил ему союз двух государств. «Сейчас не время для заключения (союза.— А. М.)»⁸, — ответил Горчаков.

Французские руководители были осведомлены и о том, что в Лондоне весьма сомневаются в жизнеспособности правительства Тьера и считают его правительством на четверть часа⁹. Но если нельзя было надеяться в ближайшее время на заключение союза с великой державой, то тем не менее можно и должно было искать с чьей-то стороны поддержку и опору, добиваться сближения с этой стороной, с тем, чтобы затем, в пределах обозримого будущего, превратить его в союз. На это-то и были направлены усилия версальского правительства и его дипломатии на другой день после Франкфуртского мира.

Но где могла республиканская Франция, ослабленная войной, униженная во Франкфурте, раздираемая внутривластной борьбой, найти действительную поддержку? Кто мог бы стать её опорой в сопротивлении нажиму Германии, продолжающей держать над ней занесённый меч? Этот вопрос вставал во весь рост перед руководителями французской внешней политики.

Круг держав, среди которых Франция хотела найти себе поддержку или опору, был очерчен уже маршрутом путешествия Тьера осенью 1870 г.: Лондон, Петербург, Вена, Флоренция. Какая же из этих великих держав — Англия, Россия, Австрия или Италия — могла бы оказать Франции помощь, а в будущем, быть может, стать её союзником? На кого должна была ориентироваться французская дипломатия? При решении этого вопроса французская дипломатия исходила из учёта позиции, которую занимала каждая из этих держав во время войны, и намечающихся тенденций политики этих держав в послефранкфуртской Европе.

⁷ Известно, что не только Тьер, Жюль Фавр и другие сторонники примирения с Германией, но и Гамбетта в 70-х годах считали невозможной для Франции новую войну против Германии. Знаменитая формула Гамбетты «всегда об этом думать, никогда не говорить» была, в сущности, горестным признанием практической невозможности войны в близком будущем.

⁸ А. Thiers. Указ. соч., стр. 21.

⁹ См. Ch. Gavard. Un diplomate à Londres. Lettres et notes 1871—1877, p. 35. Paris. 1895.

своего раздражения сближением Италии с Германией и выступала с предостережениями римскому правительству, рисуя ему опасность избираемого им политического курса¹⁷.

Со своей стороны, итальянское правительство и широкие общественные круги Италии открыто высказывали своё раздражение поддержкой римского папы французским правительством. Несмотря на это, в Версале продолжали упрямо следовать этой политике. Тьер через Аркура передавал папе римскому и его министру, кардиналу Антонелли, самые пылкие заверения в готовности всемерно идти навстречу Ватикану¹⁸.

В конце 1871 — начале 1872 г., когда возник вопрос о демонстративном отъезде «оскорблённого» Пия IX из Рима и в этой связи стали распространяться различные слухи и предположения, Тьер официально предложил «святому отцу» гостеприимство на французской земле¹⁹. Это предложение и другие знаки внимания к папе, проявляемые французским правительством, не оставались тайной. В Риме они вызвали самую болезненную реакцию и углубили пропасть, разделяющую обе страны.

К этим главным пунктам расхождений между Францией и Италией присоединилось ещё беспокойство буржуазных, в особенности финансовых, кругов Франции усилением итальянской активности в Тунисе. Французское правительство в ту пору ещё заверяло, что оно ни в какой степени не посягает на территорию Туниса (оно и в самом деле тогда не было готово и не могло совершить подобный шаг). Но, как заявлял Ремюза от имени французского правительства, «мы не претендуем на то, чтобы нас считали незаинтересованными в делах Туниса. Напротив, мы со всей откровенностью признаёмся, что нам не безразлично и не будет безразличным положение в этой стране»²⁰. И хотя борьба французского и итальянского капитала в Тунисе не приняла ещё столь острых форм, как десять лет спустя, но уже в 1871 г. это соперничество принимало во внимание руководителями французской внешней политики и оказывало известное влияние на развитие франко-итальянских отношений.

Дороги обеих стран расходились всё дальше, и, хотя в публицистике до поры до времени ещё воскрешались старые ходячие фразы о «внутренней близости» двух «латинских сестёр», для французских правящих кругов было уже вполне очевидно, что не только не приходится рассчитывать на союз или поддержку Италии, но скоро придётся учитывать её в балансе враждебных Франции сил.

Другая держава, Австро-Венгрия, на которую больше всего рассчитывали во Франции как на естественного союзника, своей новой политикой также не оставляла более надежд на возможность сколько-нибудь серьёзного сближения с ней. Первоначально Тьер надеялся на возможность установить тесное сотрудничество, даже более того, союзнические отношения с Австрией, не оформленные каким-либо официальным соглашением.

В директивном письме к маркизу Банвиллю, послу в Вене, написанном, повидимому, в августе 1871 г., Тьер структурировал его о своём желании «во всё идти в согласии с этой державой»²¹ (Австрией. — А. М.). Указывая далее, что, по его мнению, Франция и Австрия являются «необходимыми союзниками», но что об этом не следует ни говорить, ни писать, Тьер так резюмировал своё мнение: «...они (Франция

¹⁷ См. передовые статьи газ. «Temps» № 3982 от 6 марта и № 3992 от 16 марта 1872 года.

¹⁸ См. G. Bouniols. Thiers au pouvoir (1871—1873). Texte de ses lettres, стр. 95—96. Paris. 1921. Тьер—Аркуру, 11 августа 1871 года.

¹⁹ Там же, стр. 152—156. Тьер—Аркуру, 25 января 1872 г.; см. также Debidour. L'église catholique et l'Etat sous la troisième République (1870—1906) T. I, p. 56—61; 82—88. Paris. 1906.

²⁰ Doc. Dip. Fr. T. I, № 65. Ремюза — Бролья, 9 октября 1871 года.

²¹ G. Bouniols. Указ. соч., стр. 104

и Австрия. — А. М.) должны осуществлять союз, не заявляя о нём гласно»²². Как известно, мысль о сближении с Австрией, надежда на возможность достижения с нею соглашения, была также одной из излюбленных идей Гамбетты.

Но реальная действительность быстро излечила государственных и политических руководителей Франции от этих иллюзий. И хотя Тьер продолжал ещё некоторое время заигрывать с Австрией²³, он должен был вскоре убедиться, что рассчитывать на что-либо серьёзное в Вене не приходится. Тьер в общем был прав, когда утверждал, что «император, его семья, армия аплодируют усилиям Франции и желают её возрождения, которое могло бы сделать её противовесом Пруссии»²⁴, но он должен был признать, что венгры (следует разуметь, конечно, правящие круги) не питают симпатий к Франции, а немецкие австрийцы стремятся к сближению с Пруссией²⁵.

Франц-Иосиф и во время и после войны неоднократно заверял в своих симпатиях Францию и высказывал желание видеть её возродившей свои силы²⁶. Но внешняя политика габсбургской империи определялась не личными чувствами её монарха. Возраставшие трудности во внутренней политике, и прежде всего в неразрешимой национальной проблеме, обострение отношений с Россией, а главное, теперь уже совершенно неоспоримое огромное военное превосходство Германии над двуединой монархией заставляли правительство Габсбургов идти на тесное сближение с могущественным соседом и в значительной мере подчинять свою политику воле берлинского кабинета.

Барон Гофман, доверенное лицо Бейста, в беседе с де Реном, французским поверенным в делах в Вене, с циничной откровенностью объяснил причины поворота внешней политики Австрии: «Победоносная война, которую Пруссия вела против вас... обошлась вам лишь в одну провинцию; новая победоносная война против нас будет концом империи»²⁷.

Соображения этого же порядка заставляли и Бейста, смиряя свои подлинные чувства, склонять голову перед Бисмарком и, по крайней мере внешне, одобрять и поддерживать сближение с Германией. Впрочем, это запоздалое и вынужденное усердие не могло уже спасти Бейста: в ноябре он должен был уступить своё место Андраши. Прогерманская ориентация нового австро-венгерского министра иностранных дел не вызвала у французских политических деятелей никаких сомнений²⁸.

Если свидания Вильгельма I и Франца-Иосифа в Гаштейне и Зальцбурге оставляли ещё у французских дипломатов какие-то надежды на преходящий характер этого сближения²⁹, если они утешали себя ещё мыслью, что новая политика Австрии является «вынужденным курсом»³⁰, от которого при первой же возможности можно будет отойти, то после прихода Андраши поддерживать дальше эти иллюзии было бы просто неразумно.

Сообразуясь с этим новым положением вещей, руководители французской внешней политики отказались от расчётов на Австрию как на силу, готовую оказать Франции поддержку.

²² G. Bonniols. Указ. соч., стр. 106.

²³ См., например, письмо Тьера Меттерниху, австрийскому послу, 28 сентября 1871 года. Там же, стр. 132—133.

²⁴ Thiers. Указ. соч., стр. 197.

²⁵ Там же.

²⁶ См., например, донесение Банвилля об аудиенции у Франца-Иосифа 12 сентября 1871 года. Doc. Dip. Fr. T. I, № 74.

²⁷ Doc. Dip. Fr. T. I, № 74. Де Рен — Ремюза, 28 октября 1871 года.

²⁸ См. A. Thiers. Указ. соч., стр. 197; Doc. Dip. Fr. T. I, №№ 74—75; Gabrias. Souvenirs diplomatiques de Russie et d'Allemagne, pp. 220—231. Paris. 1896.

²⁹ Doc. Dip. Fr. T. I, №№ 50, 55, 56. Донесения Банвилля (французский посол в Вене), Ремюза 24 июля, 7, 12 августа 1871 г.; Gabrias. Указ. соч., стр. 201—217.

³⁰ Gabrias. Указ. соч., стр. 117.

Итак, Австрия и Италия должны были быть исключены из расчётов французской дипломатии как возможные союзники или даже активные доброжелатели Франции. Оставались Англия и Россия.

Как известно, во время войны официальная позиция либерального кабинета Гладстона — Гренвиля, несмотря на объявленный нейтралитет, была в целом сочувственной Пруссии. В начальный период войны, особенно после опубликования в английской печати документа, подтверждавшего притязания Наполеона III в 1867 г. на Бельгию, господствующие классы Англии в большинстве случаев с достаточной определённости высказались в пользу Пруссии. «Times» в первые дни войны писала: «Пруссия может рассчитывать на всеобщее сочувствие». Почти все английские газеты (за исключением «Morning Post») открыто выражали свои симпатии Пруссии, резко осуждали Францию Наполеона III и требовали от правительства усиления обороны страны³¹.

Маркс считал, что английская олигархия в то время (Маркс писал 1 августа 1870 г.) стояла «за военное вмешательство Англии в пользу Пруссии»³². В том же документе — письме к Энгельсу — Маркс раскрывал и расчёты, определявшие эту внешнеполитическую ориентацию английских правящих классов. Он указывал, что если раньше английская олигархия «пресмыкалась перед Бонапартом», то теперь «она рассчитывает... найти в солидной богобоязненной монархической Пруссии а more respectable and safer policeman of the continent»³³. Правда, эта позиция не помешала английским буржуа с первых же дней войны наладить весьма значительную торговлю с Францией, снабжая её углем, порохом и другими военными материалами³⁴. Английское правительство решительно отклонило все представления берлинского правительства по этому поводу³⁵: соображения «высокой политики» не должны были препятствовать английским промышленникам и купцам в их погоне за барышами.

Английский народ, и в первую очередь рабочий класс, сразу же решительно выступил против военного вмешательства Англии в войну на континенте. Позднее, после революции 4 сентября, рабочие подняли, при руководящем и деятельном участии Маркса и Энгельса³⁶, широкое и сильное движение в пользу Французской республики. Но, несмотря на это, несмотря на то, что успехи пруссаков вселяли опасения и тревогу и в ряды английских правящих классов, кабинет Гладстона — Гренвиля продолжал упорно придерживаться благожелательного к Пруссии нейтралитета. Даже когда в декабре 1870 г. немцы позволили себе открыто враждебный по отношению к Англии акт — потопили несколько английских судов с углем, стоявших в устье Сены, — английское правительство, не считаясь с широким возмущением в стране, удовлетворилось тем, что приняло выражение сожаления прусского посла в Лондоне Бернсдорфа. Журналисты в европейской печати имели основание острить, утверждая, что британский «бульдог лает, но не кусается»³⁷.

Но к концу войны и после Франкфурта общественные симпатии к Франции и настороженное, а подчас и открыто враждебное отношение к Германии стали принимать всё большие размеры. Эти настроения распространялись не только среди рабочих и демократических слоёв насе-

³¹ См. газета «Новое время» № 183 от 7 июня; № 184 от 8 июня 1870 года; «Русская летопись» № 30 от 26 июля 1870 г., стр. 1080.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 366.

³³ Там же («более respectable и более надёжного полицейского для континента»).

³⁴ «Новое время» № 198 от 22 июня 1870 года.

³⁵ Там же, № 200 от 24 июня; № 220 от 13 июля.

³⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 398; т. XXVI, стр. 73, 80.

³⁷ См. журнал «Вестник Европы», кн. 6 за 1871 г., стр. 873.

ния страны, — они проникали и в среду правящих классов, в особенности в оппозиционные либеральному кабинету партийные группировки.

Французский поверенный в делах в Лондоне Гавар записал 1 марта: «Тревога достигла здесь крайней степени. Английская публика... не смеет ничего сказать, но она недовольна ролью, которую играет её правительство»³⁸. Знаменем времени стали открытые выступления против Германии и в пользу сближения с Францией. Так, в декабре 1870 г. в журнале Чарлза Дилка «Fortnightly Review» была опубликована статья известного в ту пору юриста и публициста Фр. Гаррисона «Бисмаркизм»³⁹. В этой статье Гаррисон указывал на прямую опасность для Англии со стороны Пруссии. «Пруссия явно грозит Англии», — писал он, подчёркивая, что Пруссия стала не только сильнейшей сухопутной военной державой, но и стремится превратиться в мощную морскую державу. «Англия, — заявлял Гаррисон, — должна положить предел прусскому честолюбию». Если этого нельзя будет достичь дипломатическими средствами, то следует вступить в союз с Францией и начинать войну против Германии.

Консерваторы в парламенте и в своей печати резко критиковали правительство за избранный курс. Симптоматичен успех сбора средств в пользу французских раненых и других жертв войны. По свидетельству Гавара, к началу марта в Англии было собрано более 14 млн. франков⁴⁰.

Французские дипломатия и пропаганда, естественно, широко использовали тезис о возрастании угрозы для Англии со стороны Германии и постоянно напоминали его англичанам. Французская пропаганда стремилась подчеркнуть, что политика пассивного поощрения германской агрессии против Франции чревата гибельными последствиями для самой Англии. «Эта эгоистическая политика, — говорилось в статье Блерзи, характерно озаглавленной «Злоключения счастливого народа», — стала, по признанию самих англичан, источником горьких разочарований; более того, она приводит Англию к опасности»⁴¹.

Но сколько бы ни изошрялись французские журналисты или дипломаты в варьировании этого мотива⁴², для них, а в особенности для политических руководителей страны, было вполне ясно, что никаких реальных расчётов в этом направлении строить нельзя, что всерьёз ни о каком союзе с Англией говорить не приходится⁴³.

Не только Гавар и его парижские корреспонденты, но и более широкие правящие круги во Франции хорошо понимали, что все выражения общественных симпатий к Франции, все даже вслух высказанные мысли о германской опасности в будущем остаются либо салонными разговорами либо платоническими сетованиями и реального влияния на политику кабинета Гладстона—Гренвиля не оказывают. Правительство либералов, как, впрочем, и большая часть господствующих классов в Англии вообще в ту пору, не считало Германию сколько-нибудь серьёзным соперником Британии: экономическое превосходство последней над первой в то время было ещё неоспоримым.

³⁸ Ch. G a v a r d. Указ. соч., стр. 6.

³⁹ См. журнал «Беседа», кн. II за 1871 г., стр. 360.

⁴⁰ См. Ch. G a v a r d. Указ. соч., стр. 10.

⁴¹ «Revue des deux mondes». Т. 91, p. 706. 1871. M. B l e r z y. Les mésaventures d'un peuple heureux.

⁴² Французская печать прибегала и к другим методам «психологического нажима» на англичан. Так, в конце 1871—начале 1872 г. французская пресса стала обсуждать на своих страницах проект тоннеля через Па-де-Кале, соединяющего под водой Дувр с Францией. (См. «Temps» № 3940 от 24 января 1872 года.)

⁴³ В одном из ранних документов Тьера как главы исполнительной власти, в его письме к Брольи в Лондон 6 марта 1871 г., он говорит, что при балансировании между Англией и Россией следует склоняться скорее в пользу первой. (См. V o u p i o l s. Указ. соч., стр. 36.) Но это были ещё иллюзии, от которых Тьер очень скоро освободился. В переписке последующего времени как Тьера, так и Ремюза мысль о союзе с Англией более не встречается.

При всех обстоятельствах оставалось несомненным, что успехи немцев на континенте не настолько ещё задевали интересы английских правящих классов, чтобы заставить их спешно искать союзника для Англии. Французская публицистика с некоторой меланхоличностью признавала, что Гладстон отнюдь не намерен изменить «манчестерскому принципу» невмешательства в пользу Франции. Более того, как только вставал вопрос о практических интересах, о непосредственной выгоде английской буржуазии, в деловых переговорах немедленно улетучивались все сентименты и английская сторона не обнаруживала ни малейшего желания идти навстречу французской стороне; она с суровой решимостью навязывала ей свою волю. В этом версальское правительство могло убедиться очень рано — как только начались летом 1871 г.⁴⁴ переговоры о новом торговом договоре с Англией.

Если у версальского правительства ещё могли быть до этого какие-либо иллюзии в отношении Англии, то ход переговоров должен был его полностью излечить от них. Попытки версальского правительства заменить договор 1860 г. соглашением на основе частичного применения покровительственных пошлин натолкнулись на затруднения и препятствия. Тьер первоначально склонен был их объяснять нежеланием французского посла в Лондоне герцога Брольи, открытого сторонника монархии, содействовать успеху переговоров⁴⁵. Но и после того как Тьер, веривший в спасительную силу протекционизма, взял руководство переговорами непосредственно в свои руки⁴⁶, дело всё так же плохо продвигалось вперёд. Причины этого надо было искать в позиции английской стороны. Она не отказывалась от продолжения переговоров, но ни в какой мере не хотела считаться с желаниями французской стороны. Гавар в октябре 1871 г., после визита вместе с Леоном Сэ к лорду Гренвилю, с явным огорчением признавался в своих записках, что хоть английский министр иностранных дел «всегда очень любезен, но ничего хорошего для нашего договора»⁴⁷. Переговоры приняли затяжной характер, в ходе их Тьеру шаг за шагом приходилось сдавать свои позиции⁴⁸.

Нетрудно было предвидеть и возобновление старых распри с Англией на почве колониального соперничества. Правда, в 1871 г., на другой день после Франкфурта, даже самые нетерпеливые стяжатели из рядов французской буржуазии не рисковали говорить о новых колониальных завоеваниях: положение Франции было столь тяжёлым, жалким и, как многим казалось, катастрофическим, что, конечно, ни о каких колониальных походах нецеля было и думать. Но уже и тогда хищническая французская буржуазия и её правительство мечтали — пока лишь мечтали — о времени новых колониальных завоеваний. Жюль Фавр в пространной инструкции французскому послу в Константинополе, датированной 12 июня 1871 г., через две недели после разгрома Коммуны, месяцем позже франкфуртского позора, с напускной солидностью разъяснял, что роль Франции на Востоке «со всех точек зрения... остаётся в

⁴⁴ См. G. Voulliols. Указ. соч., стр. 80. Тьер — Брольи, 11 июля 1871 года.

⁴⁵ См. A. Thiers. Указ. соч., стр. 263. 1901.

⁴⁶ Для непосредственного руководства переговорами Тьер направил в Лондон доверенное лицо, работника министерства сельского хозяйства и торговли Озенна. Через голову французского посольства в Лондоне Тьер лично сносился с Озенном, посылал ему инструкции, получал от него отчёты и т. п. Переписку Тьера с Озенном см. G. Voulliols. Указ. соч., стр. 100, 135, 194, 237, 260, 267.

⁴⁷ Ch. Gavard. Указ. соч., стр. 59.

⁴⁸ История переговоров о торговом договоре с Англией рассказана в книге Ch. Gavard. Указ. соч., стр. 119—134; документы (письма Тьера) по этому же вопросу даны в указ. соч. G. Voulliols. В официальной французской публикации Doc. Dip. Fr. переговоры о торговом договоре с Англией почти совсем не отражены. (Подробное всего ход переговоров изложен в прессе, в частности в «Temps». См. «Temps» № 3994 от 18 марта, № 3995 от 19 марта, № 4002 от 26 марта (текст ноты Ремюза 13 марта); № 4011 от 5 апреля, № 4230 от 11 октября; текст нового договора см. также №№ 4229 и 4230 от 10 и 11 ноября 1872 года.)

конечном счёте такой же, какой она была до ужасных испытаний, через которые мы прошли».

Правда, Фавр оговаривался, что пока ещё обстоятельства предписывают умеренность и благоразумие, что «ещё не наступил момент инициативы». Но он считал необходимым предупредить, что этот «момент» при изменившихся обстоятельствах наступит, что должно сохранять свободу действия и быть готовым к активной роли в будущем⁴⁹.

Пока ещё не претендуя на большее, французское правительство с ревливой зоркостью следило за всем совершавшимся на Ближнем Востоке, в особенности в Египте, Тунисе, Леванте — тех областях, которые буржуазные французские журналисты называли «сферой французских интересов».

Уже тогда ни для кого не было секретом, что «французские интересы» сталкивались здесь с интересами английских и итальянских капиталистов. И хотя в дипломатической переписке того времени французское министерство иностранных дел напоминало английскому о традициях общей согласованной политики двух держав в Турции⁵⁰, самая необходимость такого напоминания свидетельствовала о том, что борьба английских и французских интересов приняла уже весьма острые формы. Во всяком случае, коль скоро правящие верхи Франции не хотели без боя сдавать англичанам позиции в Египте, Тунисе, Сирии и т. п., они могли безошибочно предвидеть дальнейшее обострение колониального соперничества между двумя западными державами.

Все эти факты, все таящиеся в них тенденции убеждали французские правящие круги и правительство в нереальности, беспочвенности и в данное время каких-либо расчётов на английский союз. И если Тьер в своих инструкциях французскому послу в Петербурге намекал на возможность союза с Англией⁵¹, это отнюдь не доказывало, что кто-либо, в том числе и сам Тьер, верил в возможность союза с Англией. Ни в дипломатических документах, ни в записках Гавара, ни, наконец, в переписке Тьера эта тема (союза с Англией) не ставилась всерьёз. В речи Тьера, обращённой к петербургскому правительству, сылка на возможность союза с Англией была только средством дипломатического шантажа: этим путём французская дипломатия надеялась поднять цену французским предложениям России.

Французские политические руководители и дипломаты относились к Англии с большим вниманием и предупредительностью. При решении всех больших вопросов учитывалась позиция Англии, и с мнением Лондона весьма считались. Получить поддержку Англии было всегда весьма желательно. К тому же в правящих и влиятельных кругах Франции всегда существовала определённая группа, в разное время складывавшаяся из разных элементов, так называемая английская партия, которая по мотивам главным образом экономических, а иногда и иных интересов ориентировалась на Лондон, пропагандировала «проанглийский» курс, как якобы наиболее соответствующий интересам Франции. Но решающими при определении взаимоотношений между двумя западными государствами были более важные и реальные факторы, о которых выше уже шла речь, а они в то время исключали возможность союза или даже тесного сотрудничества между Францией и Англией. Не теряя из виду Англию и не отказываясь от мысли наладить с ней контакт в дальнейшем, французская дипломатия в новых, трудных условиях, сложившихся в послефранкфуртской Европе, должна была искать поддержки не у Англии, а у другой державы. Этой державой могла быть только Россия.

⁴⁹ См. Doc. Dip. Fr. T. I, № 8, стр. 17—25. Жюль Фавр — Воюэ, послу в Константинополе, 12 июня 1871 года.

⁵⁰ См. там же № 65. Ремюза — Брольи, 9 октября 1871 г.; см. там же № 106.

⁵¹ См. там же № 54. Тьер — Лефлю, 4 сентября 1870 года.

Добиться дружеского расположения и поддержки России, на первый взгляд, могло казаться более трудным, чем какой-либо иной державы. Во время войны 1870—1871 гг. официальная позиция русского правительства была, как известно, откровенно благожелательной к Пруссии. Александр II не только не скрывал своих симпатий к ней, не только открыто выражал свою радость победам немецкого оружия, но даже афишировал эти чувства⁵².

Открытый обмен поздравительными телеграммами с кайзером Вильгельмом, награждения прусских высших офицеров русскими орденами, торжественный и дружественный приём, оказанный двором принцу Фридриху-Карлу, Мольке и прусским генералам, прибывшим в Петербург в конце 1871 г., и множество других проявлений подчёркнутого расположения царя к Германии не оставляли никаких сомнений в прогерманской направленности нейтралитета России, провозглашённого царём.

Но Габриаки, в ту пору представлявший французское правительство при петербургском дворе, довольно точно определил своеобразие нейтралитета России: «Император... оставался нейтральным до конца, но его нейтралитет был скорее благосклонным к Пруссии, тогда как большинство России придерживалось нейтралитета, благожелательного Франции»⁵³. Это суждение французского наблюдателя верно передавало общественные настроения в России и близко совпадало с мнениями других современников этих событий — русских, более осведомленных и компетентных в этих вопросах, чем французский поверенный в делах.

«Никогда ещё наше правительство не находилось в таком разъединении с общественным мнением, как во время разгрома Франции немецкими полчищами»⁵⁴, — записывал Феоктистов. Даже такой верноподданнический холоп, как Мещерский, редактор «Гражданина», придерживавшийся во всём, что касалось царя, правила «не смей суждения своего иметь», и тот в своих мемуарах нарисовал картину, резко расходившуюся с официальным изображением общественных настроений той поры: «Россия объявила строгий нейтралитет, но странно, с минуты объявления войны, не взирая на то, что вызов и нападения сделаны были Францией и она кругом виновата, все симпатии в петербургском обществе высказались на стороне Франции... Эти симпатии к французам стали расти по мере их поражений»⁵⁵. Такой же или сходный с этим смысл имеют свидетельства графа Валуева, Ф. И. Тютчева, Никитенко и других.

Ещё более ясно общественные симпатии к Франции и недоброжелательная подозрительность к Пруссии, а затем и открытое раздражение против Германии выразались русской печатью.

Ещё до Седана, но уже под впечатлением первых немецких побед, русская пресса с большой определённостью выступила против Пруссии. Так, «Новое время» в конце августа 1870 г. в одной из своих передовых рисовало мрачные перспективы, ожидающие Европу в случае победы немцев. Когда Франция будет разгромлена, «весь центр Европы обратится в военную крепость, в одну обширную казарму, у врат которой будет стоять на страже Пруссия». Газета предсказывала, что «пруссские победы дорого будут стоить всей Европе, они до такой степени поколеблют поли-

⁵² См. С. Татищев. Император Александр II. Т. II, стр. 66—80. Спб. 1903; Тимошук. Александр II и Франция в 1870 г. (журнал «Русская старина», март 1912 г.); Е. Феоктистов. За кулисами политики и литературы. 1848—1896, стр. 112. Лнгр. 1929.

⁵³ Gabrias. Указ. соч., стр. 100.

⁵⁴ Е. Феоктистов. Указ. соч., стр. 111.

⁵⁵ В. Мещерский. Мои воспоминания, ч. II (1865—1881). Для хранения в архиве

тический порядок, что Европа долго не увидит прочного мира»⁵⁶. Подобного рода настроения разделялись большей частью русской прессы.

После падения империи, к которой общественное мнение России относилось с недоверием и недоброжелательством, симпатии к Франции возросли, а враждебность к Пруссии — Германии стала выражаться ещё более резко. Можно сказать без преувеличения, что вся русская печать с этого времени стала единодушной в своих профранцузских и антигерманских настроениях. В русских газетах и журналах того времени обычно на первый план выдвигались соображения морального порядка: осуждение германского милитаризма, негодование по поводу жестокости требований, предъявленных победителями к побеждённым, сочувствие страданиям Франции и т. п. «Пруссия — страна, в которой человек посвящает свою жизнь штыку»⁵⁷, — негодовала «Русская летопись». В. Утин, известный в ту пору мелкобуржуазный публицист, в статье в «Вестнике Европы» доказывал, что победа Пруссии будет означать усиление реакции в Европе⁵⁸. Русская печать осуждала тяжёлые и унижительные условия мира, продиктованные Пруссией Франции⁵⁹. Столь же несомненными и искренними были симпатии тех же общественных кругов к французскому народу, мужественно продолжавшему сопротивляться германскому вторжению⁶⁰.

Единодушные господствующих дворянско-помещичьих и буржуазных кругов России в отрицательном, даже враждебном отношении к германским победам не могло быть, конечно, объяснено чувствами и мотивами морального порядка. Оно не могло быть также объяснено и желанием этих общественных сил пофрондировать в частном вопросе перед царской властью, желанием показать, что они имеют своё собственное, независимое от царя мнение. Правда, у некоторой, весьма незначительной части господствующих классов, например среди московских дворянских и крупнобуржуазных кругов, намерение использовать ситуацию, созданную войной, для некоторой весьма скромной и вполне верноподданнической фронды всё-таки было⁶¹. Но, конечно, не этими настроениями определялось отношение русского общественного мнения к событиям франко-прусской войны.

Решающее значение для отрицательной оценки германских успехов в войне имела всё возрастающая по мере германских побед тревога помещичье-буржуазных кругов за будущность русско-германских отношений. Они опасались, что окрепшая, опынённая победами трёх войн Германия оборотится затем против России и во всяком случае будет противодействовать планам и целям русской политики, что услуги, оказываемые царём Пруссии в войне против Франции, обойдутся России весьма дорого.

Поэт Ф. И. Тютчев, как известно, близкий к петербургским «верхам», в частности, к канцлеру А. М. Горчакову, уже через месяц после начала войны в письме к своей дочери (жене И. С. Аксакова) от 7 (19) августа

⁵⁶ «Новое время» № 220 от 13 августа 1870 года.

⁵⁷ Журнал «Русская летопись» № 36 от 6 сентября 1870 года.

⁵⁸ Журнал «Вестник Европы», кн. 8. Е. Утин. Франция и Пруссия.

⁵⁹ См., например, «С.-Петербургские ведомости» № 40 от 9 февраля 1871 года.

⁶⁰ Весьма показательным для симпатий в России к французскому народу является успех сбора средств в пользу раненых французов. По свидетельству Габриака, созданный Комитет помощи французским раненым собрал за два дня в Петербурге и Москве около 50 тыс. рублей (Габриак. Указ. соч., стр. 78—79).

⁶¹ Примером таких «фрондёрских» жестов служит история с адресом, поданным Московской городской думой в ноябре 1871 г. царю по поводу циркуляра об отмене статей Парижского трактата. В этом адресе, составленном И. С. Аксаковым в самых верноподданнических выражениях, содержалось робкое пожелание дарования свободы печати, религии и совести. Адрес был возвращён обратно и повлёк за собой отставку московского городского головы кн. Черкасского. (Подробнее см. А. Тютчева. При дворе двух императоров. Дневник, 1855—1882, стр. 205—219. М. 1929.)

1870 г. писал: «В самом деле, если Франция — уже не действительность, если она лишь призрак, пустая газетная фраза, если этой ужасной войне суждено будет завершиться полным торжеством Пруссии, то для нас создается весьма опасное и угрожающее положение»⁶².

Мысли об «угрожающем положении», складывавшемся для России в результате прусских побед, отнюдь не были только личным или единственным мнением поэта. Эта же мысль, варьируемая в разных формах в передовых газетных статьях, журнальных статьях, салонных разговорах и частных письмах, стала, так сказать, общепринятым мнением господствующих классов России. Ф. И. Тютчев, приехав осенью 1870 г. из-за границы в Москву, так характеризовал тамошние настроения: «Здесь, как и повсюду в России, правда, враждебность к немцам сильна, и ей вволю предаются в печати»⁶³.

Эти настроения могли получить такое распространение и в «высшем свете» и в дворянских и буржуазных кругах, помимо прочего, ещё и потому, что стало известно, что они разделяются частично и при дворе или, вернее, той частью двора, которая была представлена наследником престола.

То, что наследник (будущий царь Александр III) расходится в своих оценках войны и симпатиях со своим «августейшим» отцом Александром II, не составляло большого секрета. Об этом знали не только люди, близкие ко двору, об этом была осведомлена столичная бюрократия, а через неё и всё так называемое высшее общество не только в Петербурге, но и в Москве, а может быть, и в провинции. Именно эти слухи об особых взглядах наследника, противоречивших мнениям его отца, и придавали такую смелость салонным политикам петербургских гостиных и авторам газетных и журнальных статей. Выдрессированные строгой муштрой самодержавия, российские либералы, а тем паче сановные бюрократы, привыкли соразмерять свои чувства и желания с волей всемогущего монарха. То, что на этот раз они могли найти одобрение своим взглядам не у царствующего отца, а у его сына, конечно, придавало им храбрости. Правда, будущий царь был прежде всего почтительным и смиренным сыном своего отца; он не выходил из отцовской воли даже в вопросах сугубо личных, его самого кровно касающихся, тем менее решался он перечить отцу в делах государственных⁶⁴. Но, не рискуя открыто возражать отцу, Александр-младший уже смел высказывать в своём узком кругу мысли, не совпадавшие, по этому лишь вопросу, с отцовскими.

Антинемецкие настроения наследника, с одной стороны, и широких общественных кругов России — с другой, были хорошо известны не только в стране, но и за границей. Знал о них и Маркс, который считал

⁶² Цит. по К. Пигарезу. Ф. И. Тютчев о французских политических событиях 1870—1873 гг. «Литературное наследство», кн. 31—32, стр. 757. М. 1937.

⁶³ Там же, стр. 760.

⁶⁴ Сохранившиеся в Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА) дневники Александра Александровича не оставляют на этот счёт никаких сомнений. Отношения между сыном и отцом, наследником и царём, лучше всего характеризуются намерением Александра-младшего отказаться от престола в связи с его увлечением кн. Мещерской и желанием отца женить его на Дагмаре Датской. Александр-младший решил воспользоваться этой коллизией как поводом для отказа от престола. 15 мая 1866 г. он записал в своём дневнике: «Может быть, оно будет лучше, если я откажусь от престола. Я чувствую себя неспособным быть на этом месте, я слишком мало ценю людей, мне страшно надоедает всё, что относится до моего положения» (ЦГИА, ф. 677, д. 71, л. 71). Однако объяснение с отцом, состоявшееся через три дня после этой записи, мгновенно смирило наследника. С первых же слов разгневанного «папá» перепуганный наследник почтительно склонился перед его волей. Он немедленно отрёкся от Мещерской, отказался от «вольных» мыслей и примерно через полтора месяца, следуя отцовскому приказу, сделал предложение Дагмаре (см. там же, лл. 76—81, 108—109). Тот же стиль взаимоотношений между отцом и сыном сохранялся до последних дней царствования Александра II.

наследника главой «старо-московской, антинемецкой партии» и указывал, что «со времени превращения Вильгельма в императора» эта партия «снова одержала полную победу. И настроение народа за неё»⁶⁵. Знали об этих расхождении с официальным курсом царя, конечно, и в политических и дипломатических кругах за границей; французы, естественно, интересовались ими более других. Во французских политических кругах антинемецкие настроения крайне преувеличивали, к тому же им придавали слишком расширительное и часто произвольное толкование. Среди французских политических деятелей (позднее, и историков) было распространено мнение, что наследник и стоящая за ним партия настроены не только против Пруссии, но и столь же решительно в пользу Франции.

Тьер, после нескольких дней пребывания в Петербурге, в официальном письме к турецкой делегации от 1 октября 1870 г. рисовал крайне радужную картину петербургских настроений: «Идея объединить Францию и Россию солидным союзом восхитила бы здесь всех, кроме весьма малочисленной немецкой партии, которая это отвергает. Русская партия, что значит вся страна, целиком за нас»⁶⁶.

Понятно, вся эта оптимистическая информация Тьера была весьма далека от действительности: Тьер всё видел через увеличительные стёкла и явно принимал желаемое за сущее. Даже Габриак, также склонный к преувеличению профранцузских чувств и настроений в России, и тот должен был признать, что Тьер создаёт себе иллюзии о помощи, которую можно было бы ожидать от России⁶⁷.

Особо большое внимание во французских политических кругах уделялось наследнику престола; почти все суждения и слухи, распространяемые о нём, во Франции, были крайне преувеличены⁶⁸, а иногда просто легендарны. Мнение Габриака, высказанное в марте 1871 г.: «Мы будем иметь для нас Россию будущего царствования»⁶⁹, — в той или иной форме было весьма популярно в правящих кругах Франции; на великого князя-наследника здесь возлагали самые широкие надежды.

В действительности, как показывают дневники наследника Александра, он в ту пору был настроен вполне определённо и решительно против немцев. Но в его записях 1870—1871 гг. нельзя прочесть ни прямо, ни косвенно выраженной мысли о желательности сближения, а тем более союза с Францией; все разговоры и слухи об этом следует отнести к вымыслу.

Война застала младшего Александра во Фреденборге, затем он уехал в Бернсдорф (Дания), где гостил у родителей своей жены — датской королевской четы.

Если первые записи в дневнике, связанные с войной, ещё довольно глухо передают раздражение победами немцев⁷⁰, то дальше, по мере нарастания германских успехов, мнение автора дневника становится всё более определённым. 28 июля (9 августа) Александр записывает: «Политические известия плохи для Франции. Вся армия французская отступает; в Париже большое волнение и даже поговаривают об удалении Наполеона и об установлении регентства; это ужасно! кто бы мог подумать об этом месяц тому назад»⁷¹.

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 92.

⁶⁶ Габриак. Указ. соч., стр. 21; ср. Thiers. Указ. соч.

⁶⁷ Там же, стр. 23.

⁶⁸ См. E. Florens. Alexandre III, sa vie, son oeuvre. Paris. 1894; E. Daudet. Histoire diplomatique de l'alliance franco-russe. Paris. 1894. Особенно в пространном мемуарах J. Adam (Lambert).

⁶⁹ Габриак. Указ. соч., стр. 103. Эту фразу цитирует и Флуранс.

⁷⁰ ЦГИА, ф. 677, к этому периоду относятся: д. 75, дневник Александра Александровича с 18 июля 1869 по 22 июля 1870 г. и д. 76, его же дневник с 23 июля 1870 по 25 сентября 1871 года.

⁷¹ «Удивительное счастье постоянно у пруссаков и всё им удаётся», — писал он 27 июля (8 августа). ЦГИА, ф. 677, д. 76, л. 5.

В этой записи отношение Александра к событиям определено ещё этим сетованием «ужасно!». Но уже две недели спустя, в записи от 9 (21) августа, он раскрыл, что, собственно, казалось ему «ужасным»: «Кажется, что французам очень плохо приходится и трудно будет теперь поправить свои дела... Не особенно приятна мне эта удача пруссаков, и я убеждён, что она неприятно отзовется у нас и что Россия рано или поздно узнает прусскую дружбу и благодарность»⁷². В этих последних словах и дана разгадка мотивов отрицательного отношения наследника к прусским победам. Александр-младший, как и Тютчев и все, пользуясь выражением Маркса, люди «старо-московской партии», был встревожен успехами пруссаков и, питая к ним недоверие, опасался, что германская агрессия повернётся затем против России.

Со 2 по 5 сентября (н. ст.), непосредственно после седанской капитуляции, Александр находился в пути, возвращаясь из Дании. Он приехал в Царское Село 5 сентября и только здесь узнал о пленении французской армии во главе с Наполеоном. В его дневнике 24 августа (5 сентября) записано: «Какое ужасное известие мы узнали, приехавши сюда. Мак Магон разбит, армия сдалась и император Наполеон взят в плен! Это ужасно!»⁷³. В бедном и однообразном словаре наследника российского престола это пресловутое «ужасно» было крайним и почти единственным выражением смятения чувств, когда оно его охватывало. Седанская катастрофа произвела на него гнетущее впечатление. Но с этого времени со страниц дневника открытое недоверие и враждебность к немцам, встречавшиеся раньше, исчезают на долгое время. Объяснения этому нельзя искать в том, что наследник, вернувшись в Россию, перестал интересоваться вопросами европейской политики и, в частности, финалом войны между Францией и Германией. Напротив, из записей дневника со всей определённости видно, что он сохранил самый живой интерес к этой теме и неоднократно фиксировал его на страницах своего дневника⁷⁴. Но, вернувшись в Петербург, он должен был убедиться, что его откровенно антинемецкие взгляды, свободно излагавшиеся им в Дании (и, понятно, сочувственно там встречаемые), здесь прямо противоречили официальному курсу и воле отца. Убеждение Александра-младшего в том, что удача пруссаков «неприятно отзовется у нас», как он писал в дневнике в Дании, было опровергнуто вполне определённой позицией царя. Следует предположить, что осторожности и благоразумия ради и желая оставаться прежде всего сыном, послушным воле отца⁷⁵, наследник и решил воздержаться от записей в дневнике, могущих возбудить недовольство отца, остававшегося и для сына всевластным самодержцем. Но взглядов своих он не изменил и своё недоверие к Германии, не смея афишировать, всё же явственно обнаруживал. По ряду свидетельств, наследник не отказывался от случаев, когда можно было показать своё недоброжелательство или даже враждебность к немцам⁷⁶.

Как уже говорилось, во Франции относились ко всем этим симптомам враждебности к немцам с повышенным и вполне понятным интересом и вниманием. Французы переводили их как выражение сочувствия к Франции. И хотя Горчаков в беседе с Тьером в Петербурге предупреждал

⁷² ЦГИА, ф. 677, д. 76, л. 13.

⁷³ Там же, л. 21.

⁷⁴ См. там же, записи 20 октября, стр. 58; 22 января 1871 г., стр. 118; 25 февраля, стр. 145 и др.

⁷⁵ Так, например, в марте 1871 г. он записывает: «Мы все в прусских мундирах были за большим столом в честь императора германского и прусского короля» (ЦГИА, ф. 677, д. 76, л. 154).

⁷⁶ См., например, рассказ Феокистова о том, как во время приезда принца Фридриха-Карла в Петербург в 1871 г. Александр-младший, узнав о намерении германского принца нанести ему визит, предупредил, что тот не застанет его дома. (Е. Феокистов. Указ. соч., стр. 113; см. также G a b r i a s. Указ. соч.; А. Thie g s. Указ. соч.)

его: «Вы найдёте здесь живые симпатии к Франции... Симпатии эти вам будут выражать, но не заблуждайтесь на этот счёт. В России один владыка — император, он один правит»⁷⁷, — несмотря на эти отрезвляющие замечания канцлера, во Франции всё же переоценивали реальное значение проявлений симпатий русских к их стране.

Однако независимо от всех преувеличений, создаваемых воображением французских буржуазных политиков, всё же оставался ряд факторов, значения которых во Франции не могли не оценить. Бесспорным было то, что значительная часть господствующих классов и даже часть правящих кругов России во главе с наследником была серьёзно обеспокоена непредвиденными в таких размерах успехами Германии, видела в них угрозу интересам России и поэтому не хотела дальнейшего ослабления или ущемления Франции. Несомненным было также и то, что между Францией и Россией не было в то время и не предвиделось в близком будущем сколько-нибудь серьёзных или существенных разногласий. Правда, интересы русского царизма и французской финансовой буржуазии сталкивались, например, на Ближнем Востоке, в Турции. Но в условиях того времени это столкновение интересов не могло принять острых форм и не было главенствующим. Острых, а тем более непримиримых противоречий ни в европейской политике, ни в политике колониальных захватов, которую вели та и другая страны, между Россией и Францией не было (в отличие от Англии, соперничавшей в политике колониальных захватов и с Францией и с Россией).

Неискоренимая враждебность царского двора и правящих кругов самодержавной России к республиканской форме власти, официально установленной во Франции, была несколько ослаблена после кровавой расправы Тьера с Парижской Коммуной. Палаческие функции Тьера значительно повысили к нему доверие царизма, беспощадно душившего революционное движение в России и угнетавшего русский народ.

Наконец, французская дипломатия не могла не уловить и того, что и царь и Горчаков, открыто выражавшие своё одобрение германским успехам⁷⁸, в то же время относились внимательно и ласково к представителям Франции. Тьер помнил, что хотя во время своей дипломатической миссии осенью 1870 г. он не добился в России реальных результатов, всё же из четырёх столиц, которые он посетил, лучше всего он был принят в Петербурге. Значило ли это, что в Петербурге правящие верхи — царь, Горчаков, даже наследник — готовы были идти на союз или, скромнее, на тесное дипломатическое сотрудничество с Францией? Конечно, нет! В ту пору об этом не могло быть и речи. Официальный курс царского правительства был направлен на укрепление сотрудничества с Германией. Даже независимо от этого тесное сближение с Францией тогда было невозможно хотя бы потому, что Франция была ещё столь слаба, в военном отношении особенно, а установившаяся в ней форма власти казалась столь непрочной, что с Францией как с европейской державой в ту пору всерьёз в Петербурге не считались.

Французские политические деятели, постепенно освобождаясь от чрезмерных иллюзий в отношении России, должны были осознать реальное положение вещей. Генерал Леффло, назначенный летом 1871 г. французским послом в Петербурге, в донесении в Париж 3 сентября 1871 г. пессимистически писал: «Нет, Россия не готова, я настаиваю на этом слове, не расположена с нами соединиться сегодня... ибо для того, чтобы с нами объединиться, нужно, чтобы мы снова представляли собой

⁷⁷ С. Татищев. Император Александр II. Т. II, стр. 70.

⁷⁸ Не говоря уже об известном обмене телеграммами, царь афишировал своё удовлетворение германскими победами возведением после вступления немцев в Париж принцев Фридриха-Вильгельма и Фридриха-Карла и Мольтке в звание русских генерал-фельдмаршалов. Им же были пожалованы георгиевские ордена 2-й степени.

реальную силу»⁷⁹. Такие слова должны были действовать в Версале отрезвляюще.

И всё-таки французская дипломатия пошла по этому, казалось, наиболее трудному пути. Если нельзя рассчитывать на союз в близком будущем — это стало очевидным, — то, может быть, всё-таки есть почва для надежд на него в дальнейшем и на поддержку, хотя бы ограниченную, сейчас? Руководители французской внешней политики уже на другой день после Франкфуртского мира поняли, что главное усилие французской дипломатии должно быть направлено на завоевание доверия и расположения России и приобретение её поддержки.

7 июня 1871 г. Жюль Фавр, один из самых гнусных палачей Парижской Коммуны, ставший министром иностранных дел в правительстве Тьера, в пространном инструктивном письме генералу Леффло определил задачи французской дипломатии в Петербурге так, как они представлялись версальскому правительству.

Жюль Фавр останавливался на истории франко-русских отношений, изображая позицию Франции в выгодном свете. Он инструктировал Леффло по самому сложному вопросу — о русско-германских отношениях. Указывая на желательность сближения с Россией, он признавал, что сейчас степень дружественности русско-германских отношений всё ещё остаётся столь значительной, что Франции не приходится рассчитывать на что-либо серьёзное. Но он обращал внимание посла на то, что сближение России и Германии таит в себе противоречия, что германская политика угрожает русским интересам. Нельзя не предвидеть, что дальнейшее развитие Германской империи будет всё более и более угрожать безопасности России. Французская дипломатия должна использовать эти противоречия — таков основной мотив инструкции Фавра.

Эта задача, полагал Фавр, в значительной мере облегчается тем, что в России и общественное мнение и часть придворных кругов во главе с наследником — «русская национальная партия», как он её называл, — резко враждебны немцам.

Для французов, инструктировал далее посла Жюль Фавр, не остались также незамеченными те знаки доброго расположения, которые проявил к ним император Александр II. «Вы должны поблагодарить за них императора, так, чтобы ему было вполне ясно, что мы сумели оценить всё их значение, и вы должны направить свои усилия повсюду вокруг вас, с тем чтобы их полностью сохранить. Время сделает всё остальное»⁸⁰.

В этой инструкции Фавра, первой по времени, уже вполне определённо и ясно выражено стремление руководителей французской внешней политики завоевать доверие России, а затем и обеспечить себе её поддержку. Здесь же ясно определён и тот основной довод, из которого исходили французы в своих расчётах и который они выдвигали и в дипломатических переговорах и в своей пропаганде, — неизбежность обострения русско-германских отношений.

Желательность и выгодность для Франции сближения с Россией были ясны и для Тьера. Только что приведённая инструкция Жюля Фавра не была, конечно, выражением его личной политики: она выражала политику версальского правительства⁸¹. Тьер понимал также, что международная ситуация создавала некоторые возможности в этом отношении.

⁷⁹ Цит. по F. Büchler. Das Verhältnis Frankreichs zu Russland. 1871 — 1878, S. 20. Aarau. 1944.

⁸⁰ Там же, стр. 43.

⁸¹ Не следует упускать из виду, что первые годы Тьер, президент республики, одновременно был и главой кабинета министров, что в большой степени увеличивало его реальную власть.

В двух письмах директивного характера к генералу Лефлю 4 сентября 1871 г.⁸², после свидания Вильгельма I с Францем-Иосифом в Гаштейне, Тьер указывал на необходимость для Франции использовать противоречия между тремя восточными империями. Признавая ловкость Бисмарка, стремившегося установить и закрепить дружбу с Австрией и Россией, Тьер считал, что всё же «сомнительно, чтобы такая дружба и с Австрией и с Россией могла долго длиться». «В этот момент и мы должны вести себя так же искусно»,⁸³ — поучал посла Тьер. В частности, он считал необходимым использовать противоречия между Россией и Австро-Венгрией: «Россия ещё не простила Австрии её неблагодарности, и в этом странном союзе Австрии с Пруссией мы можем найти для себя возмещенные убытков»⁸⁴.

Тьер стремился к союзу с Россией. Напомним, что он его сам тщетно предлагал во время своего визита в Петербург осенью 1870 года. Он понимал, какое огромное значение для Франции могла бы иметь поддержка России. Во втором письме от 4 сентября Тьер ясно указывал генералу Лефлю, какие доводы должны быть выдвинуты в Петербурге в пользу идеи союза двух сторон: «Покажите себя убеждённым, что союз России и Франции сможет обеспечить в Европе новое европейское равновесие, может быть, не лучшее, чем прежнее, но способное защитить все государства, которым угрожает прусское честолюбие»⁸⁵. Он указывал Лефлю, где следует развивать этот круг идей: перед императором, перед наследником, Горчаковым или Жомини.

Обнаруживая осведомлённость и понимание проблем, к которым царское правительство было особо чувствительно, Тьер подчёркивал значение польского вопроса: «Польский вопрос — это и есть верный ключ, чтобы открыть эту дверь» (России. — А. М.)⁸⁶. Вся прежняя политика французских правительств в отношении Польши и поляков была сплошной ошибкой; она приносила только вред. Тьер, как он пытался уверить царское правительство, 40 лет боролся против этой политики, и теперь с ней покончено; он предписывал послу разъяснить и подчеркнуть в Петербурге это коренное изменение позиции Франции в польском вопросе и тут же обещал — и это должно было быть уже практическим подтверждением нового курса в польском вопросе — удалить, в соответствии с пожеланием русского правительства, поляков из французских консульств на Востоке.

Но, формулируя эти политические директивы, Тьер — и в этом раскрылась характерная особенность его политики по отношению к России в то время — тут же многократно оговаривал необходимость крайней осторожности в попытках сближения с Россией. «Но я вас призываю, — писал он генералу Лефлю, — к крайнему благоразумию, чтобы не дать основания говорить, что мы пытались достигнуть союза с Россией и, к нашему большому конфузу, были отвергнуты». И далее, указывая, что если будет сделан шаг в сторону Франции, следует сделать такой же в сторону России, Тьер так определил задачи французской дипломатии: «Если дверь всё же откроется, надо войти, однако никак не компрометируя себя желанием её открыть»⁸⁷.

⁸² В Doc. Dip. Fr. T. I, опубликовано лишь одно письмо Тьера к Лефлю 4 сентября и то далеко не полностью. Целиком оба письма опубликованы в кн. G. Boissols. Указ. соч., стр. 117—129.

⁸³ G. Boissols. Указ. соч., стр. 120. Тьер — Лефлю, 4 сентября 1871 года. Первое письмо.

Стоит обратить внимание на эту дату, первую годовщину провозглашения Третьей республики. Когда Тьер писал оба письма послу в Петербург, он ни разу не вспомнил об этом.

⁸⁴ Там же, стр. 125, второе письмо 4 сентября.

⁸⁵ Там же, стр. 126.

⁸⁶ Там же, стр. 127.

⁸⁷ Там же.

В чьих глазах боялся Тьер скомпрометировать Францию, чьих разговоров он опасался?

В том же письме, призывая Лефло к «крайнему благоразумию», Тьер предостерегал его против опасности усилить недоверие к Франции и без того весьма подозрительной Англии. Если бы Франция скомпрометировала себя поисками сближения с Россией, она оттолкнула бы от себя союз Англии («союз обманчивый... и мало плодотворный, но стоящий больше, чем ничего»), не приобретя взамен русского союза»⁸⁸.

В свете всего известного о взаимоотношениях Франции и Англии той поры, о политическом курсе Тьера, эти ссылки на возможный союз с Англией нельзя расценивать иначе, как грубую мистификацию. Тьер лучше, чем кто-либо другой, знал, что ни о каком союзе с Англией в то время не могло быть и речи. Прибегая к этой заведомой лжи в директивном письме к французскому послу в Петербурге, Тьер, видимо, рассчитывал добиться двойных результатов. Во-первых, он шантажировал русское правительство, угрожая ему опасностью сделки с англичанами и тем самым набивая цену французским предложениям; во-вторых, говоря об опасности усилить недоверие и подозрительность Англии, он маскировал действительный источник своих опасений и тревог.

Тьер, конечно, опасался не Англии, а Германии; он боялся «скомпрометировать» Францию не в английских, а в германских глазах. Угодничая перед Бисмарком, стараясь снискать его расположение, стремясь любой ценой обеспечить добрососедские отношения с Германией, Тьер хотел избежать всего, что могло бы вызвать раздражение канцлера. В Париже хорошо знали, с какой настороженной подозрительностью следили в Германии за отношениями, развивавшимися между Петербургом и Парижем. Что Бисмарк поставил одной из главных задач предотвратить, не допустить франко-русского сближения, — об этом в Париже были превосходно осведомлены. Оговорки, которыми Тьер сопровождал свои директивы Лефло, были порождены страхом вызвать недовольство или — даже! — гнев Бисмарка неосмотрительно открытым стремлением к сближению с Россией, к приобретению её поддержки.

Призыв к осторожности, к осмотрительности в политике сближения с Россией не был случайной обмолвкой в устах Тьера. Он не раз повторял эту тактическую директиву в своих инструкциях и письмах к Лефло.

В письме к французскому послу в Петербурге, отправленном примерно через месяц⁸⁹, Тьер вновь напоминал о тех же указаниях: «Каждый шаг вперёд, который мы сделаем слишком поспешно, заставит сделать два шага назад. Шаг за шаг — вот каков должен быть наш образ действий. Вы его превосходно понимаете, и (Вам) следует сохранять сдержанность, сопровождаемую всей возможной обходительностью»⁹⁰.

В письме к Лефло 27 января 1872 г. опять та же директива: «Будем осуществлять доброе согласие (с Россией. — А. М.) раньше, чем о нём гласно заявлять. Это будет самым верным способом установить его, не компрометируя нашего достоинства»⁹¹.

Полгода спустя, в письме к Лефло 22 августа, Тьер снова повторял тот же урок; сообщая послу о дружественных чувствах кн. Орлова к Франции, Тьер тут же добавлял: «В особенности ничего не говорите ни о кн. Орлове, ни о добрых чувствах, которые он к нам питает. Такими вещами следует пользоваться, не хвастаясь этим»⁹².

Так, стремясь к сближению с Россией, рассчитывая воспользоваться её поддержкой и помощью, Тьер в то же время пытался скрыть это от

⁸⁸ G. Bonniols. Указ. соч., стр. 125—126.

⁸⁹ Письмо без даты. Буниоль с известным основанием относит его к началу ноября 1871 года.

⁹⁰ G. Bonniols. Указ. соч., стр. 140. В Doc. Dip. Fr. не опубликовано.

⁹¹ Там же, стр. 160. В Doc. Dip. Fr. не опубликовано.

⁹² Doc. Dip. Fr. T. I, № 151. Тьер — Лефло, 22 августа 1872 года.

посторонних глаз, в особенности от внимания Берлина. Эта постоянная трусливая оглядка на Берлин, эта боязнь возбудить недовольство германского правительства делали политику Тьера — политику сближения с Россией — неуверенной и робкой.

Но как трусливо ни озирался Тьер на Германию, он всё-таки шёл по этому пути, тогда единственно возможному и спасительному для внешней политики Франции, — пути поисков русской поддержки. Тьер должен был идти по этому пути и потому, что политику сближения с Россией защищали и поддерживали почти все без исключения политические группировки господствующих классов. Это был тот пункт, в котором политика правительства не могла встретить возражений в буржуазном лагере ни справа, ни слева.

Хотя Тьер, как было сказано, не только не афишировал, но всячески пытался скрыть свои стремления к контакту с Россией, всё же эти стремления ни для кого не оставались секретом: их отражала прежде всего печать; в известной мере они были выражением всеобщего мнения правящих классов. Газеты легитимистов, орлеанистов, бонапартистов, «левого центра», а также «республиканского союза» Гамбетты поддерживали идею сближения Франции с Россией. Знаменательным оставалось лишь то, что тогда как пресса, связанная с реакционным «левым центром» во главе с Тьером или близкая к нему, проявляла некоторую сдержанность и сопровождала пропаганду сближения с Россией оговорками, характерными для её шефа, печать буржуазных республиканцев во главе с Гамбеттой ставила те же задачи более решительно и без всяких экивоков.

Близкая к Тьеру «Temps» в одной из передовых статей, посвящённых этой теме, обосновывала необходимость «русского курса» в следующих выражениях: «Русский союз не может быть ни столь лёгким, ни столь безусловно желательным, как это многие думают, но он всё же возможен»⁹³. В этих нескольких словах, содержащих и сомнение в желательности и признание практической возможности (хотя на деле было не так) союза с Россией, довольно точно отразились особенности дипломатии Тьера.

Раскрывая побудительные мотивы, газета Гамбетты «République Française» пропагандировала союз с Россией без всяких оговорок. Она сочувственно цитировала статью из английского «Spectator»: «Одним из самых прямых, но наименее замеченных последствий Седана было возрастание значения России в Европе». Униженная, битая Франция вынуждена искать союзника, и таким единственным союзником, который может оказать ей реальную помощь, является Россия. «Это единственный союз, который позволит французам атаковать Германию с превосходящими силами и продиктовать условия мира к исходу битвы»⁹⁴.

Так «République Française» раскрывала программу-максимум партии Гамбетты — реванш против Германии. Надеяться на это можно было, только рассчитывая на союз с Россией, на русскую военную помощь. Но, как уже говорилось, Гамбетта также вполне отчётливо понимал, что ни о каком реванше в ближайшее время не может быть и речи⁹⁵. И для него и для буржуазных республиканцев было вполне очевидно, что задача заключается в ином — в предотвращении опасности новой германской агрессии. И с этой стороны контакт с Россией и приобретение её поддержки представлялись для «République Française», для буржуазных республиканцев столь же жизненно необходимыми.

Таким образом, каковы бы ни были различия и оттенки в позиции отдельных политических групп, дипломатии Тьера была обеспечена их поддержка в политике сближения с Россией. Очень скоро французское

⁹³ «Temps» № 3992 от 16 марта 1872 года.

⁹⁴ «La République Française» № 62 от 8 января 1872 года.

⁹⁵ См. E. Labarthe, Gambetta et ses amis, p. 206. Paris. 1938.

правительство должно было перейти от общего зондажа почвы для поисков русской поддержки к непосредственным просьбам о помощи, обращённым к России.

Уже в марте 1872 г., когда обнаружилось намерение германского правительства чинить препятствия и затруднения французским планам досрочной выплаты контрибуции и эвакуации германских войск из Франции, Тьер обратился за помощью в Петербург. В инструкции Лефлю он поручал французскому послу просить царя, чтобы он «оказал влияние на своего дядю (Вильгельма I. — А. М.) в вопросе об эвакуации»⁹⁶.

Когда же возникли слухи, а затем и достоверно стало известно о предстоящем свидании трёх императоров, когда французские государственные лидеры, несмотря на внешнюю браваду, не на шутку встревожились его возможными результатами, французская дипломатия снова обратилась за помощью в Петербург. В том, что Бисмарк на предстоящем свидании трёх императоров будет преследовать враждебные Франции цели, в Париже не сомневались. Наглядным подтверждением этого была нарастающая враждебность и грубость германской печати, дошедшая в дни берлинской встречи почти до открытого провоцирования конфликта с Францией⁹⁷. Но и без этой демонстративной атаки прессы в Париже ожидали самых коварных актов со стороны вчерашних победителей; Тьер и Ремюза были серьёзно озабочены тем, как бы немцы не вздумали добиваться подтверждения условий Франкфуртского договора другими европейскими государствами, это казалось им серьёзной опасностью⁹⁸.

Где искать поддержки, как рассеять козни противника? Рассчитывать на успех дипломатической акции в Берлине не приходилось. Надеяться на вполне независимую от Германии австрийскую политику в то время было уже невозможно: Андраши шёл рука об руку с Бисмарком. Консервативная «Temps» пыталась даже занять горделивую и укоряющую позу поборника демократического прогресса. «Ни свидания монархов, ни дебаты конгрессов не могут уже в наше время определять мировую политику»⁹⁹, — пыталась говорить она «независимым» языком. Но это была только пропаганда, к тому же совсем не имевшая шансов на успех¹⁰⁰.

Реальным оставалось одно: обращаться к России, стараться добиться хотя бы минимального контакта с русским правительством, чтобы предотвратить подготавливаемое Бисмарком включение России в антифранцузскую коалицию.

Французская дипломатия мобилизовала всю свою активность в этом направлении. Сложные задачи французской дипломатии по отношению к России Тьер пытался разрешить, действуя двумя путями — официальным и неофициальным. Понятно, что самый этот приём в истории бур-

⁹⁶ G. Boisjols. Указ. соч., стр. 167. Тьер — Лефлю, 8 марта 1872 года. В этот же день Тьер отправил принцу Петру Ольденбургскому письмо аналогичного характера. См. Doc. Dip. Fr. T. I, № 114; G. Boisjols. Указ. соч., стр. 169—172.

⁹⁷ Кульминационным пунктом немецкой газетной кампании против Франции было 5 сентября — день свидания, когда «Nazional-Zeitung» опубликовала чисто провокационную, беспрецедентную по грубой брани против Франции статью. Изображая французов дикой ордой, мечтающей о вторжении на территорию соседей, газета обращалась с предостережением к России и Италии, доказывая им невозможность иметь какое-нибудь дело с Францией. См. «La République Française» № 308 от 12 сентября 1872 года.

⁹⁸ См. Doc. Dip. Fr. T. I, № 149. Нота Ремюза 18 августа 1872 г.; № 151. Тьер — Лефлю, 22 августа 1872 года.

⁹⁹ «Temps» № 4165 от 7 сентября 1872 года.

¹⁰⁰ И «Temps» и другие органы французской печати широко популяризировали также тезис об остроте противоречий между тремя державами, строя на этом определённые расчёты. Впрочем, как была вынуждена меланхолично признать «République Française», независимо от всех этих расчётов и суждений, самый факт того, что Франция не участвует в совещании, которое может иметь важные последствия, является для неё унижением. См. «République Française» № 302 от 6 сентября 1872 года.

жуазной дипломатии, особенно в период расцвета тайной дипломатии, не представлял собой чего-либо исключительного: к нему прибегали не только во Франции и не только в это время. Но для тьеровской дипломатии с её страхом перед народом, питавшим ненависть к правительству реакционной буржуазии, с её постоянной трусливой оглядкой на Берлин, с её боязнью громко признаться в своих стремлениях к союзу с Россией — это широкое использование неофициальных каналов общения было особенно характерно.

Официальные дипломатические переговоры вслись через соответствующих послов: Лефло в Петербурге, Орлова в Париже. В выборе лица для переговоров и в том и в другом случае французской дипломатии посчастливилось. Генерал Лефло, военный министр в так называемом правительстве Национальной обороны, на деле — национальной измены, один из палачей Парижской Коммуны, реакционер и монархист, сумел завоевать личное расположение Александра II. Всею своей биографией и политическими взглядами он импонировал русскому самодержцу и заслужил его доверие. С русским послом в Париже кн. Н. А. Орловым французское правительство также установило контакт, так по крайней мере казалось Тьеру¹⁰¹. Впрочем, Орлов оставял и у других, например у Бисмарка, впечатление человека, которому можно довериться¹⁰². Большой русский барин, проживший долгие годы за границей, искусный царедворец, состоявший в доверительной переписке с наследником престола, Орлов позволял себе в то же время, находясь на царской службе, встречаться, хотя, понятно, изредка, с Герценом и даже Бакуниным¹⁰³, — он был слишком большим вельможей, чтобы для него это стало опасным. Своих собеседников он умел очаровывать, и французы, в частности Тьер, были уверены, что в его лице они нашли самого горячего и надёжного друга. Орлов отнюдь не опровергал этого впечатления, но в своих действиях руководствовался инструкциями правительства и достаточно трезвым и вполне деловым расчётом. Как бы там ни было, французам было, действительно, легко поддерживать с Орловым постоянный контакт, а когда нужно, обратиться к нему с просьбой о помощи.

Но, пожалуй, ещё большее значение, чем эти обычные формы дипломатического общения, имели для Тьера и его помощников неофициальные, закулисные переговоры, переговоры через посредников, к которым Тьер в «русской политике» прибегал охотнее, чем в какой-либо иной.

С первых же дней своего президентства Тьер стремился дополнить дипломатическое общение с официальным представителем царского правительства Окуневым переговорами с лицами, не имевшими никаких официальных поручений к французскому правительству. Так, в 1871—1872 гг. он вёл устные и письменные беседы с Жомини, Стремуховым, Петром Ольденбургским, рассчитывая в этих частных переговорах добиться большего, чем в официальных, в главной своей задаче того времени — налаживании контакта с Россией.

Большую роль в этой закулисной, неофициальной истории дипломатического общения двух стран играли переговоры и иные формы кон-

¹⁰¹ Ещё в июле 1871 г. Тьер просил в переговорах с Жомини назначить послом в Париже Орлова (См. G. Voynols. Указ. соч., стр. 77) и с тех пор настойчиво добивался этого. Орлов был назначен и прибыл в Париж в январе 1872 г., на несколько месяцев позже назначения Лефло в Петербург. Тьер был в восторге от Орлова. Он писал Лефло 27 января 1872 г.: «Князь Орлов превосходен; полон изящества, такта, сердечности... поблагодарите императора за этот выбор, поблагодарите его лично с выражением особой нашей признательности» (G. Voynols. Указ. соч., стр. 157).

¹⁰² «Я прошу ваше превосходительство,— писал Бисмарк Арниму 29 января 1872 г.,— питать к князю Орлову полное доверие как к верному другу Германии» («Procès d'Arnim», p. 35. Paris. 1875). В «Grosse Politik» не опубликовано.

¹⁰³ См. Е. Феоктистов. За кулисами политики и литературы. 1848—1896, стр. 48—59. Лнгр. 1929.

такта, установленные через посредство кн. Е. Э. Трубецкой. Поскольку в специальной исторической литературе о роли кн. Трубецкой как посреднице в налаживании русско-французских отношений почти ничего не сказано¹⁰⁴, придётся здесь по необходимости крайне кратко, но всё же остановиться на этом.

Княгиня Елизавета Эсперовна Трубецкая (на языке петербургского «высшего света» Lise), проведшая долгие годы за границей, в мае 1872 г. снова приехала в Париж. Она была встречена во французской столице с необычайным почётом. Тьер, знавший её раньше, приветствовал её как президент республики и взял на себя лично заботы об устройстве её апартаментов¹⁰⁵.

Очень честолюбивая, искусная мастерица тонкой политической игры и интриги, Трубецкая сумела вскоре создать у себя политический салон, игравший закулисную, но крупную роль в вопросах международной политики и даже во французских делах того времени. Трубецкая поддерживала многолетние очень дружественные и доверительные отношения с канцлером Российской империи кн. Горчаковым¹⁰⁶. Пожалуй, в ещё более дружеских отношениях она находилась с президентом Французской республики Тьером и его семьёй. Её постоянными корреспондентами были столь разные люди, как королева Изабелла Испанская и Ольга Новикова, герцог Граммон и Гонто-Бирон, Леон Гамбетта и Эмиль де Жирарден, германский посол Гогенлоэ и итальянский посол Нигра¹⁰⁷.

В двух отношениях салон Трубецкой играл некоторую роль. Во-первых, здесь можно было получить (конечно, далеко не каждому) наилучшую информацию по вопросам международной политики и даже внутренней политики Франции¹⁰⁸; во-вторых, область, которой Трубецкая занималась с подлинным вдохновением, были русско-французские отношения.

Ещё ранее, в предшествующее десятилетие, Трубецкая охотно выполняла разного рода дипломатические поручения Горчакова и, между

¹⁰⁴ Некоторые упоминания о ней имеются в мемуарах Жюльетты Адан-Ламбер. См. M. J. Adam (J. Lambert), Nos amitiés politiques avant l'abandon de la revanche. Paris. 1908. Подробнее, но больше в плане историко-литературном, чем в политическом, о ней говорится в статье К. Пигарева. Ф. И. Тютчев о французских событиях 1870—1873 гг. «Литературное наследство» № 31—32. М. 1937.

¹⁰⁵ В официальной телеграмме президента республики от 4 мая 1872 г. Тьер писал Трубецкой: «Дорогая княгиня. Мы очень счастливы, госпожа Тьер и я, узнав о вашем приезде в Париж». Дальше шли заверения в том, что её дом подготавливается к приёму, что Тьер озабочен тем, чтобы «сделать Ваше пребывание во Франции приятным, насколько только возможно» (Архив Института литературы АН СССР (Пушкинский дом), в дальнейшем: АИЛАН. 35. 1. 21 (Труб. 21). 1872—1873, л. 2). Тьер продолжал почти каждый день телеграфировать ей о том, что дом её готов, приглашая к себе, пересылая пропуск в ложу президента и т. п. (там же, лл. 4—8).

¹⁰⁶ АИЛАН. 35. 1. 6 (Труб. 6). От государственного канцлера кн. А. М. Горчакова кн. Е. Э. Трубецкой 1862—1871 (книга писем) — обширное собрание писем Горчакова к Трубецкой за десять лет.

¹⁰⁷ В АИЛАН, фонде Трубецкой, письма названных лиц, а также ряда других к Трубецкой представлены весьма полно. Некоторые из них, например Гонто-Бирона, насчитывают несколько десятков; весьма обширными, также исчисляемыми десятками, являются корреспонденции Граммона, Э. де Жирардена, Сен-Валье и др. Всё это ценные источники для международной политики и для внутренней истории Франции тех лет. По условиям места и в связи с задачами данной работы здесь они могут быть использованы лишь в ограниченной мере.

¹⁰⁸ О том, насколько быстро и достоверную информацию Трубецкая получала о всех событиях во Франции, можно судить хотя бы по такому характерному документу: 24 мая 1873 г., в 7 час. вечера, в телеграмме из Версаля в Париж Бартеlemi Сент-Илер писал: «Княгиня, голосование было против; правительство свергнуто. Ваш преданный слуга Б. С.-Илер» (АИЛАН. 35. 1. 21 (Труб. 21), л. 94). Эта телеграмма показательна: в час падения Тьера одной из самых первых, кого оповестил об этом по мощник и друг Тьера, была Трубецкая. Она имела десятки других, не менее достоверных и авторитетных источников информации, в её распоряжении находились и некоторые органы печати, как, например, газета «Liberté», редактор которой Детроа был её агентом.

прочим, уже тогда брала на себя роль посредницы между русским канцлером и Тьером¹⁰⁹. Можно предположить, что именно эта, хорошо известная Тьеру близость Трубецкой к Горчакову и побудила его с такой восторженностью и помпой встречать русскую гостью в Париже и стремиться к сохранению с ней самых дружеских отношений. Поэтому вполне понятно, что когда Тьеру пришлось искать у русского правительства поддержки, он обратился к Трубецкой.

Возвратимся к прерванному рассказу. Накануне берлинского свидания, как уже говорилось, Тьер привёл в действие обе пружины — официального и закулисного влияния на русское правительство. В инструкции генералу Лефло 22 августа 1872 г. он предложил французскому послу обратиться непосредственно к императору. Тьер разъяснял Лефло, что царь, «будучи предан своему дяде», в то же время дружен с Францией и весьма чувствителен к русскому общественному мнению и это позволяет быть с ним откровенным. Тьер пытался внушить через Лефло мысль об остроте противоречий между тремя государствами, монархи которых встретятся в Берлине, о неизбежности обострения этих противоречий в будущем. В особенности Тьер предостерегал против идеи созыва конгресса европейских держав, в ту пору эта идея тревожила его больше других¹¹⁰.

Тьер имел свидание в Трувилле и с кн. Орловым, приехавшим к президенту накануне своего отъезда в Берлин. Тьер остался удовлетворённым этой беседой¹¹¹.

Письмо Тьера к Лефло было написано в спокойном, почти уверенном тоне. «Должны ли мы волноваться по поводу этого свидания трёх императоров? Я этого не думаю»¹¹², — писал Тьер, оговаривая только свои возражения против идеи европейского конгресса.

Чем была вызвана эта спокойная уверенность Тьера, замеченная и историками, изучавшими это время? Белогвардеец Нольде в своей книге, посвящённой истории франко-русского союза, считал, что Тьер преуменьшал значение союза трёх императоров вследствие присущего ему оптимизма и что этот необоснованный оптимизм был привит и дипломатическим сотрудникам Тьера — Лефло и Гонтон-Бирону¹¹³. Но ссылка на «психологический фактор», неудовлетворительная сама по себе, ничего не могла и объяснить: почему оптимизм Тьера проявился в данном случае и покидал его в других?

Дело было проще. Ни Нольде, ни другие историки, писавшие на эту тему¹¹⁴, не знали и не могли знать того, что Тьер к этому времени (середина августа 1872 г.) уже успел наладить контакт с кн. Горчаковым. Именно этот факт, устанавливаемый неопубликованными материалами архива Е. Э. Трубецкой, и раскрывает причину неожиданного «оптимизма» Тьера.

Вот что происходило в действительности. 29 июля 1872 г. (к этому времени было уже известно о предстоящем свидании в Берлине) Тьер из Версаля направил Трубецкой пространное письмо, в котором довольно подробно рисовал картину успехов возрождающейся Франции. Письмо предназначалось не столько Трубецкой, сколько Горчакову. Тьер давал это понять достаточно ясно. Он прямо просил передать Горчакову о том, что был бы счастлив дать возможность русскому канцлеру «видеть

¹⁰⁹ Например, в 1869 г., как это видно из писем Горчакова из Баден-Бадена 19 октября 1869 г. к Трубецкой (АИЛАН. 35. 1. 6. л. 53), а также в 1871 г. (там же, л. 2).

¹¹⁰ Doc. Dip. Fr. T. I, № 151, p. 177—181. Буниоль переводит текст письма полностью (G. Bouinols. Указ. соч., стр. 195—207).

¹¹¹ Doc. Dip. Fr. T. I, № 151, p. 181.

¹¹² Там же, стр. 178.

¹¹³ Baron B. Nolde. L'Alliance franco-russe. Les origines du système diplomatique d'avant guerre. Institut d'études slaves de l'Université de Paris, p. 31. Paris. 1931.

¹¹⁴ Например, G. Hanotaux. Histoire de la France contemporaine. T. II. III. P. 6. г.

Францию умиротворённой, преобразованной, наслаждающейся глубоким покоем»¹¹⁵. Это была целая программа. Тьер развивал её и дальше в письме: «Если я смогу вернуть Европе Францию сильной и мудрой, я думаю, что я ей окажу подлинную услугу»¹¹⁶.

Как и рассчитывал Тьер, Трубецкая переслала его письмо Горчакову, находившемуся в то время на лечении в Швейцарии. Горчаков откликнулся почти немедленно. 4 августа в письме из Интерлакена русский канцлер благодарил Трубецкую за пересланное ему письмо Тьера: «Я прочёл его с самым живым интересом и сердечным сочувствием, в чём прошу Вас заверить выдающегося государственного деятеля». И дальше Горчаков полностью одобрял и, так сказать, утверждал программную формулу, предложенную Тьером. «Сильная и мудрая Франция, — повторяет слова Тьера Горчаков, — это именно то, что нужно Европе. Сильная я, — чтобы сохранить равновесие, мудрая — так как это условие доверия, которое... (возвратит? — А. М.) Франции принадлежащее ей место»¹¹⁷.

Эти слова Горчакова не были просто любезностью вежливого дипломата: они имели несомненное политическое значение. Горчаков накануне свидания трёх императоров дал вполне ясно понять, что Россия заинтересована в сохранении сильной Франции и что, следовательно, вывод напрашивался сам собой: она не поддержит враждебных Франции замыслов Германии.

Тьер был в общем прав, когда в ответном письме Трубецкой, рассылаясь в выражениях благодарности Горчакову, дважды повторил, что в его словах он видит выражение «прямого одобрения» осуществляемой Тьером политики¹¹⁸. Вот эти-то слова одобрения, полученные от канцлера Российской империи, были источником оптимизма Тьера накануне свидания трёх монархов.

Действительно, когда берлинское свидание состоялось, то, как писала «Temps», оно «оказалось не таким страшным, как это раньше казалось»¹¹⁹.

Гонто-Бирон доносил из Берлина, что, по словам Горчакова, зловредное Бисмарка во время свидания оказалось неважным, а нервы немного возбуждены¹²⁰. Что повергло Бисмарка в такое состояние?

Горчаков выполнил те обещания, которые, в форме, правда, неопределённой, но понятной, он дал накануне свидания главе французского правительства.

В «дипломатическом поединке двух канцлеров»¹²¹, разгоревшемся в Берлине вокруг вопроса о Франции, Горчаков сумел взять верх над своим противником. Все попытки Бисмарка заручиться поддержкой России и Австрии против Франции, все его старания превратить сколачиваемый ими союз трёх императоров в инструмент антифранцузской политики потерпели неудачу вследствие решительного сопротивления Горчакова. Хотя по ряду других вопросов между тремя самодержцами и их министрами и было достигнуто соглашение (устное, так как на берлинском свидании не было ничего записано), но в этом пункте, имевшем

¹¹⁵ АИЛАН. 35. 1. 21 (Труб. 21), л. 16.

¹¹⁶ Там же, л. 17.

¹¹⁷ Там же, л. 21. Горчаков — Трубецкой, 4 августа 1872 года. Вся переписка Горчакова с Трубецкой на французском языке.

¹¹⁸ См. там же, л. 27—29. Тьер — Трубецкой, 29 сентября 1872 года. Стоит отметить, что Тьер в этом письме, желая польстить Горчакову и в то же время сильнее его связать, свои собственные слова о «сильной и мудрой Франции» приписывал уже Горчакову. «Мы хотим мира, — писал Тьер, — мы его хотим со всей серьёзностью для того, чтобы осуществить прекрасную программу князя (Горчакова. — А. М.): [создать] мудрую и сильную Францию» (л. 29 об.)

¹¹⁹ «Temps» № 4168 от 10 сентября 1872 года.

¹²⁰ Doc. Dip. Fr. Гонто-Бирон — Ремюза, 14 сентября 1872 года.

¹²¹ «История дипломатии». Т. II, стр. 14. Огиз. Госполитиздат. М. 1945.

для Бисмарка едва ли не решающее значение, ему пришлось полностью отступить.

Решающую роль в поражении германской дипломатии во французском вопросе сыграла русская дипломатия. Горчакову удалось не только обезвредить антифранцузские замыслы Бисмарка, но и в известной мере устроить в Берлине демонстрацию симпатии Франции.

8 сентября Александр II принял Гонто-Бирона. В беседе с французским послом царь подчеркнул свои дружественные чувства к Франции и дал заверения, что французам нечего беспокоиться относительно происходящего в Берлине¹²². Вслед затем с французским послом в Берлине вели беседы Горчаков, Жомини и Орлов, т. е. все значительные деятели русской внешней политики, находившиеся тогда в германской столице¹²³.

Наибольшее значение имели беседы Горчакова с Гонто-Бироном. В них руководитель русской дипломатии дал ясно понять французскому послу, что Россия не поддерживает агрессивных намерений Германии против Франции. Горчаков дал Гонто-Бирону советы, полные значения: «Что вам сказать о вашей армии и о вашем преобразовании? Вы хорошо знаете, что здесь к этому не относятся безразлично; в этом вопросе Германия не имеет права предъявлять вам никаких требований. Делайте то, что вы считаете нужным, и вы будете правы». И далее Горчаков особо доверительно добавил: «Я вам уже говорил, и я с удовольствием ещё раз повторяю: нам нужна сильная Франция»¹²⁴.

Это заявление Горчакова было весьма многозначительно. В трудный момент после франко-прусской войны, когда полностью изолированная Франция целиком зависела от Германии, когда Бисмарк подготавливал против неё новый удар, Россия оказалась единственной державой в Европе, которая произнесла Франции слова сочувствия и поддержки. Русское правительство по собственной инициативе дало ясно понять французскому правительству, что оно одобряет стремления Франции к восстановлению своей военной силы, что оно готово приветствовать «сильную Францию» и не намерено поддерживать агрессивные планы Германии. Для того времени этого было вполне достаточно. Франция большего не могла и требовать. Россия сдерживала воинственный дух кайзеровской Германии, ограничивала её агрессивные намерения.

Понятно, что эта позиция царской дипломатии ни в какой мере не определялась соображениями отвлечённого гуманизма или сентиментальной благожелательности к французам. Все дипломатические ухищрения и салонные любезности Тьера не дали бы никаких результатов, если бы восстановление «сильной Франции» не было в то время выгодным России. За словами Горчакова о необходимости «поддержания равновесия» скрывались реальные спасения дальнейшего возрастания мощи Германии и усиления её позиций в Европе; они могли стать угрожающими и для России. Продолжая сохранять контакт с Германией и даже идя по пути его расширения (всеобщая конвенция 1873 г., сближение с Австрией, оформление союза трёх императоров), русское правительство в то же время было заинтересовано в укреплении Франции как противовеса Германии. Определённое значение имело также и то, что между Россией и Францией, как уже было сказано, в то время не было сколько-нибудь серьёзных противоречий. Правда, французская финансовая буржуазия, а также и торговая, имела определённые интересы на Ближнем Востоке.

Ещё со времени Июльской монархии, а в особенности в годы Второй империи французский капитал в многообразных формах стал прони-

¹²² Doc. Dip. Fr. T. I, № 152. Гонто-Бирон — Ремюза, 8 сентября 1872 года.

¹²³ Там же, № 153. Гонто-Бирон — Ремюза, 9 сентября 1872 года.

¹²⁴ Там же, № 156. Гонто-Бирон — Ремюза, 14 сентября 1872 года.

катель в Турцию, закабалая её и подчиняя себе важнейшие отрасли её экономики. В управлении Имперского оттоманского банка, созданного в 1863 г., всецело принадлежала англо-французской финансовой группе, руководящая роль принадлежала крупнейшим французским финансовым магнатам: Хоттингеру, Малле, Фульду, братьям Перейра и др. Французскому капиталу принадлежала львиная доля в займах, предоставленных Турции на ростовщических процентах её иностранными кредиторами. К 1875 г. турецкий долг по иностранным займам исчислялся в 4996 млн. франков¹²⁵, а по некоторым другим данным достигал 5,3 млн. франков. Главным кредитором-ростовщиком Турции оставалась Франция. С 1857 г. французская финансовая компания получила концессию на строительство железной дороги Бейрут — Дамаск¹²⁶. Вслед за тем последовали новые концессии. Значительного развития достигла и внешняя торговля. В десятилетие 1847—1856 внешняя торговля с Турцией составляла 81 млн. франков; в 1857—1866 гг. она удвоилась: 172 млн. франков; в 1867—1876 гг. она составляла 232 млн. франков¹²⁷.

Все эти данные свидетельствовали о том, что французская буржуазия, в особенности финансовая, имела значительные интересы в Турции и потому не могла оставаться безразличной к политике царской России на Ближнем Востоке. Но в то время, на другой день после проигранной войны, Франция была ещё так слаба в военном отношении, что нельзя было говорить всерьёз о самостоятельной французской политике на Востоке в ближайшие годы.

В Париже это хорошо понимали и готовы были дать определённые авансы России в этом наиболее чувствительном для неё вопросе. «Temps» в дни берлинского свидания писала в передовой: «Россия со всей очевидностью заинтересована в восстановлении Франции, поскольку Франция в дальнейшем не будет противодействовать её восточной политике, а, напротив, сможет ей в нужный день помочь»¹²⁸. Такие заявления не могли не встретить благоприятного отношения в Петербурге.

Наконец, несомненно, что, оказывая поддержку Франции, царское правительство знало и понимало, что оно поддерживает Францию Тьера и Галифе, французских палачей Парижской Коммуны. Для Александра Романова и его министров и слуг, беспощадно душивших русское революционное движение, кровавые злодеяния версальского правительства против французского народа служили лучшей политической аттестацией. В этом смысле реакционная республика версальцев была ничуть не лучше самодержавных монархий Германии, Австрии и России, и ещё неизвестно, какое из правительств этих четырёх государств имело бы наибольшее право претендовать на первенство в насилиях над народом своей страны.

При всём том, если русское правительство и стало ко времени берлинского свидания на путь поддержки Франции, это отнюдь не означало, что оно готово было пойти и многим дальше в этом направлении, что оно готово было пойти на союз с Францией. Об этом в ту пору не могло быть и речи. Как система международных отношений того времени, так и общая, в особенности военная, слабость Франции, обесценивавшие её как союзника, полностью исключали для русских правящих кругов мысль о русско-французском союзе. Время для него ещё далеко не пришло. Но уже поддержка России, оказанная Франции во время берлинского свидания, имела значение. Гонтто-Бирон был прав, когда, оценивая итоги берлинского свидания, писал, что Германия не

¹²⁵ Ch. Morawitz. Les finances de la Turquie, p. 51. Paris. 1902.

¹²⁶ Там же, стр. 396.

¹²⁷ E. Levasseur. Histoire du commerce de la France. Deuxième partie, de 1789 à nos jours, p. 891. Paris. 1912.

¹²⁸ «Temps» № 4168 от 10 сентября 1872 года.

добилась того, чего хотела¹²⁹. Более того, германская пресса, выступавшая до и во время свидания с яростными нападкамии на Францию, после него прекратила огонь. Это было отступление.

Поддержка и почти демонстративные знаки внимания, оказанные царём и Горчаковым французскому послу в Берлине¹³⁰, подняли международный престиж Франции. Горчаков подтвердил формулу своей программы английскому правительству в лице его посла в Берлине Олдо Русселя. «Европе нужна сильная Франция»¹³¹, — сказал Горчаков. Руссель должен был с этим согласиться. Согласились с этой формулой и австрийцы.

В Версале хорошо понимали, кому обязана Франция этим неожиданно счастливым для неё исходом берлинского свидания. Ремюза предписывал Гонто-Бирону принести особую благодарность царю и Горчакову¹³². Франция теперь знала, что в лице России она может найти ту силу, которая способна обуздать агрессивные намерения Германии Бисмарка и Мольтке.

В инструкции Лэфло Тьер писал, что «не хочет не нравиться правительству, показавшему себя таким дружественным по отношению к нам»¹³³. Он уже утверждал, что «наиболее вероятным союзом будущего представляется союз с Россией»¹³⁴. Но эту ответственную формулу, верный самому себе, он тут же сопровождал оговорками о необходимости крайней сдержанности, о мерах предосторожности при продвижении вперёд и т. п.¹³⁵. Он предлагал, чтобы в течение некоторого времени французы в своей внешней политике оставались ещё «друзьями всего света»¹³⁶.

Однако оставаться «друзьями всего света» ни в это время, ни тем более позже было невозможно. Опыт первого, самого трудного для Франции, года после окончания войны с достаточной ясностью уже дал ответы на главные из вопросов, выдвигавшихся при решении задач внешней политики Франции.

Побеждённой, униженной, ослабленной, фактически лишённой армии Франции найти «друзей» в Европе было очень трудно. Все старания Тьера списать расположение Германии Бисмарка, не говоря уже о дружбе, были тщетны. Восстановление Франции влекло за собой возрастание угрозы новой германской агрессии. Ни Англия, ни Австро-Венгрия, ни Италия не стали, да и не могли стать в ближайшем будущем «друзьями» Франции. Французская дипломатия никак не могла рассчитывать на их поддержку в деле предотвращения новых ударов, которые юнкерско-буржуазная Германия подготавливала против Франции.

Единственной державой, которая устами Горчакова открыто высказалась за восстановление «сильной Франции», которая сорвала намерения Бисмарка превратить союз трёх императоров в инструмент антифранцузской политики и тем самым оказала Франции существеннейшую поддержку, была Россия. Россия в силу ряда причин, рассмотренных выше, оказалась единственным государством, вставшим на позицию предотвращения новой германской агрессии против Франции.

Тем самым, создалась важнейшая для Франции предпосылка, побуждавшая её всё решительнее идти в её внешней политике по обозначившемуся в 1871—1872 гг. пути, получившему вскоре название «русского курса».

¹²⁹ Doc. Dip. Fr. T. I, № 156, стр. 188.

¹³⁰ Печать широко комментировала беседу Александра II с Гонто-Бироном и другие родственные факты, ставшие очень быстро известными. См., например, «Lettres d'Allemagne» в «Temps» № 4174 от 16 сентября о впечатлении, произведённом беседой царя с Гонто-Бироном.

¹³¹ Doc. Dip. Fr. T. I, № 187.

¹³² Там же, № 155. Ремюза — Гонто-Бирону, 11 сентября 1872 года.

¹³³ Там же, № 157, стр. 189.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же.